

УДК 316.3:342.4(470)

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-186-196

ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ МЕНТАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГРАЖДАН О НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР В 1960-Е ГОДЫ

О. Д. Попова, А. Д. Попова

Рязанской государственной университет им. С.А. Есенина, 390000, Рязань, ул. Свободы, 46

od-popova@mail.ru

a.d.popova@mail.ru

На основе анализа писем и обращений граждан с предложениями относительно новой редакции Конституции СССР, которые были направлены в Верховный Совет в 1960-е гг., исследуется аксиологическая система советских граждан: их представления о политическом строе, правах и свободах граждан. Этот анализ важен для понимания места в общественном сознании ценностей гражданского общества – народовластия, защиты прав и свобод граждан. Показано, что к указанному периоду в общественном сознании сложились особые ментальные установки, формирующие представления об идеалах общественного и экономического строя. Делается вывод о том, что эти ментальные установки отражали мозаичное представление о демократии и свободах и сочетали в себе принципы как демократии и гражданского общества, так и тоталитарного. Граждане активно выступали за расширение главного признака гражданского общества – народовластия – и выдвигали предложения по усовершенствованию механизма выборов, но отрицали многопартийность и ратовали за расширение полномочий партийных органов и закрепление в тексте Конституции руководящего статуса партии. Права и свободы выступали в качестве значимой ценности для людей, но представления о них, о необходимости их защиты и расширения сочетались с идеей принуждения и использования радикальных мер по отношению не только к нарушителям, но и к носителям противоположного мнения. Следовательно, советские ментальные установки только частично соответствовали ценностям гражданского общества, что сказывается на процессе формирования гражданского общества в современные дни.

Ключевые слова: Конституция СССР, система ценностей, ментальность, общественное сознание, гражданское общество.

Представления в обществе о конституции являются важным элементом общественного сознания. Конституционные нормы выступают своего рода регулятором воздействия на правосознание граждан, формируя у последних систему политических и социальных ценностей. В то же время в силу важности норм конституции для каждого гражданина можно утверждать, что представления граждан о конституции отражают ментальные установки общества, то есть их общие взгляды на ключевые ценности и принципы организации общественного бытия. Современная историческая наука активно обращается к понятиям «менталитет» и «ментальность» и проблеме изучения проявления этих явлений в историческом процессе. Как верно отмечает Н.С. Южалина, «менталитет является стержнем исторического процесса», хотя ученые не выработали единого подхода к пониманию этих терминов [Южалина, 2005, с. 110]. Этой позиции придерживается и Т.И. Игнатенко [Игнатенко, 2009, с. 1], а И.О. Туман-Никифорова подчеркивает, что «менталитет – это сущностное ядро любой цивилизации» [Туман-Никифорова, 2010, с. 163].

Общество, переживая те или иные процессы, реагирует на них и в зависимости от его ментальных установок, в частности, воспринимает и оценивает различные реформы и новации. Одни и те же процессы, происходящие в обществах с различными ментальными установками, приобретают специфические черты. Например, И.О. Туман-Никифорова убеждена в том, что «нельзя искусственно насадить чуждые экономические образцы поведения» [Туман-Никифорова, 2010, с. 164]. А по мнению А.Я. Лившина, «пренебрежение ментальными и настроенческими особенностями населения нередко приводит к тяжелым последствиям для общества» [Лившин, 2010, с. 6]. В настоящее время актуальна задача изучения ментальных

установок, которые сформировались в советский период. Россия взяла курс на создание гражданского общества, то есть общества, в котором политическая и экономическая системы опираются на ценности, зародившиеся в западных странах, – многопартийность, парламентская демократия, рыночная экономика, автономия личности, проявление инициативы граждан при решении актуальных вопросов. Изучение существующих ментальных особенностей поможет понять, насколько наше общество сможет принять указанные ценности и какие могут возникнуть проблемы при формировании гражданского общества на российской почве, а следовательно, скорректировать современный реформаторский курс. Как отмечает З.Я. Капустина, «менталитет задает определенную архитектуру феномена гражданственности...» [Капустина, 2007, с. 13].

Изучение предложений граждан, направленных в органы власти, позволяет определить не только мировоззренческие устои советского общества, но и настроения и эмоции граждан. Но, по мнению А.Я. Лившина, «учитывать мнения и настроения народа – не означает слепо следовать в практической политике в их русле» [Лившин, 2010, с. 6]. Гражданское общество создается в первую очередь обществом, но при участии государства, роль которого может заключаться в том числе в работе с общественным сознанием, то есть в формировании представлений в обществе об институтах гражданского общества и механизмах его функционирования.

Идея о необходимости принятия новой Конституции вышла из кабинетов власти на народное обсуждение на XXI съезде КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.), где Н.С. Хрущев предложил внести изменения в действующий Основной Закон. На XXII съезде (17–31 октября 1961 г.) в отчетном докладе ЦК КПСС прозвучал вывод о необходимости принятия новой Конституции [Байбаков, 2012, с. 129]. Эти публичные выступления руководителя страны стимулировали участие граждан в обсуждении будущей Конституции.

Предложения граждан представляют интерес для историка. С одной стороны, они позволяют проследить механизм функционирования государственной машины и приобрести опыт учета мнений граждан в подготовке такого важного документа, как Конституция. Изучение этого опыта нашло отражение в современной научной литературе. В исследованиях истории разработки и принятия Конституции 1977 г. большее внимание уделялось анализу внутрипартийных дискуссий и процессу государственного строительства [Байбаков, 2005; Данилов, Пыжиков, 2002; Медушевский, 2014]. В частности, А.Н. Медушевский ставил задачу рассмотрения дискуссии в аппарате Конституционной комиссии в 1969–1977 гг. [Медушевский, 2014, с. 84–97]. Большой вклад в изучение процесса подготовки новой Конституции внес И.Н. Стрекалов, который в монографии «Последняя Конституция Советского Союза. К вопросу создания» рассмотрел целый пласт проблем, связанных с историей принятия Конституции 1977 г. [Стрекалов, 2018, с. 62]. При этом он обратился и к такому важному источнику, как письма граждан с предложениями о содержании нового Основного Закона. Однако обработанный им довольно массивный пласт источников анализируется только с точки зрения содержания норм будущего документа. Им не ставилась задача проанализировать народные предложения как отражение ментальных установок общества, выявить отношение граждан к основополагающим идеям гражданского общества

С другой стороны, указанные предложения граждан являются важным источником по истории ментальности. В этом аспекте они изучены гораздо меньше, хотя письма «во власть» в современной исторической науке как исторический источник используются очень широко. Этот источник имеет специфику в использовании. Наиболее сложным является вопрос классификации на основе авторов писем, поскольку далеко не все авторы сопровождали предложение подробной биографической анкетой. Подписи в письмах произвольные: одни указывали фамилию, другие – профессию, третьи – принадлежность к партии. Тем не менее можно предполагать, что за перо брались люди различных социальных слоев: как образованные, имеющие ученые степени, так и с невысоким образованием, как городские жители, так и сельские, молодежь и старшее поколение.

Классификацию писем по типу документов, предложенную А.В. Осмачкиным, который выделяет жалобы, предложения, доносы, можно дополнить проектами граждан [Осмачкин, 2014, с. 94–98]. Особенность таких обращений состоит в том, что авторы искренне верили в то, что их мнение ценно для власти и их голос будет обязательно учтен государственными органа-

ми. Нередко авторы писем для аргументации своей позиции использовали научные выкладки, труды классиков марксизма-ленинизма, философские работы. Поэтому такая проработанность текстов позволяет рассматривать данные документы как важный источник по истории ментальности.

При отборе писем для данного исследования использовалась сюжетная типологизация, то есть выбирались письма с наиболее типичными и в то же время говорящими сюжетами. Особое внимание уделялось не только фактическому содержанию обращений, но и эмоциональному фону и системе аргументации. Для исследования ментальности большое значение имеет то, какие эпитеты, формы обращений использовали авторы. Например, нередко понятия приобретали негативную окраску («буржуазный», «капиталистический»), уничижительный смысл («проклятые», «звериный лик»). При анализе писем необходимо учитывать, что взгляды авторов формировались под влиянием пропаганды, СМИ, но в статье задача изучения механизма формирования их не ставилась. Исследовался именно результат пропаганды – установки. Изучение эмоционального фона, терминологии, речевых оборотов позволяет выяснить, насколько укрепились в сознании общества те или иные установки и стереотипы, нормы поведения, выявить представления о нормах и аномалиях.

1960-е гг. был периодом «оттепели», в котором сосуществовали различные, порой противоречивые тенденции в жизни общества. С одной стороны, основные механизмы функционирования нового государства уже сложились, утвердились основные идеи советской идеологии. Были заложены основные ментальные установки советского общественного сознания. С другой стороны, процесс поиска новых форм организации общественных процессов получил новый импульс. Жесткий сталинский режим был ослаблен, и люди стали более свободными в решении своих жизненных вопросов (колхозники получили паспорта, отменили уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины), оживилась духовная жизнь. Это стимулировало переосмысление выбранного курса, поиск ответов на ключевые вопросы: «Так ли мы живем? Что можно изменить и зачем?».

Один из первых вопросов, который регулирует любая конституция, это основы политического строя, его идеология, политические права граждан. Народовластие является важнейшим принципом демократического общества, что закреплено и в современной Конституции. Вопросам власти и идеологии авторы писем в 1960-е гг. отводили значительное место [Стрекалов, 2018, с. 320–380]. В письмах было принято противопоставлять страну с социалистическим строем капиталистическим странам. Однако И.Н. Стрекаловым не выделен сформировавшийся феномен общественного сознания – понимание принципа народовластия не свойственное странам западной демократии. Многие граждане подчеркивали, что наша страна стала первой на путь построения социалистического общества, которое выступало олицетворением справедливости и благополучия. Поэтому вполне логично выглядят предложения некоторых авторов писем не использовать терминологию, традиционную для буржуазных государств. Например, житель Сталинградской области Целинко утверждал в своем обращении, что не надо даже использовать слово «Конституция», так как это термин буржуазной демократии, а советскому народу свой основной документ надо назвать Всенародной Ленинской Хартией прав и Свобод Человека (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323. Л. 1).

Для стран западной демократии залогом народовластия являются политический плюрализм и многопартийность. В советском обществе принципиально иное понимание народовластия: единовластие Коммунистической партии, ее идеология и авторитет не подлежали сомнению. В письмах граждан неоднократно предлагалось закрепить в основном документе нормы о руководящей роли партии. Трудно сказать, родились ли эти идеи у граждан или они были результатом партийной агитации. Например, уже упоминаемый гражданин Целинко предлагал: «Уместнее и достойнее всего будет именно на страницах Всенародной Ленинской Хартии, то есть устами самого Советского народа, разъяснить миру наше величайшее преимущество, главный секрет нашего политического могущества – это руководство одной единой Коммунистической партии» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323. Л. 2). Единодушен с ним был учитель истории из Муромы И.М. Абрамович, который в свой проект включил статью со следующей формулировкой: «Политический руководитель советского государства – Коммунистическая партия Советского Союза. Она определяет внутреннюю и внешнюю политику государства и

мобилизует народ на выполнение государственных планов, на борьбу с недостатками в работе государственных органов, на защиту социалистического отечества от врагов» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324. Л. 12). Как воплощение принципа народовластия он предлагал закрепить за партийными органами коммунистической партии ряд функций. Например, создавать на предприятиях общественные партийные комиссии для проверки выполнения предприятиями государственных планов и заданий, устранения помех в работе. На эту же тему рассуждал и житель Свердловской области Лобачев, который был убежден в том, что главная задача новой Конституции – это короновать на царство его императорское величество народовластие: «Исходное положение в установлении прав гражданина это полновластный хозяин СССР только народ. КПСС является его головой, а поэтому и руководящей организованной частью» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 322 об.). За расширение полномочий партийных органов выступал и житель города Лермонтова Писаренко. Он сожалел, что руководитель партийной организации фактически не осуществляет главного руководства на производственных предприятиях, так как не наделен таким правом. Он может только давать советы и рекомендации. При этом предложения о необходимости введения многопартийности встречаются лишь единично.

Таким образом, в сознании советского общества в начале 1960-х гг. было сформировано представление об однопартийной системе как обязательном элементе политического устройства государства. Однако многие авторы писем, соглашаясь с однопартийной системой, говорили о таком важном атрибуте гражданского общества, как свобода слова и свобода печати. Одни просто фиксировали положение: «Гражданин СССР гарантируется законом свобода слова и печати. Цензуры не существует. Каждый советский гражданин имеет право выражать свои мысли и мнения в печати, публиковать официальные документы, делать заявления и сообщать информацию по любому вопросу» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 340. Л. 96). Другие выражали свои мысли более развернуто. В частности, Лобачев из Свердловской области, подписавший свое письмо как от «коллективный хозяин страны», считал необходимым внести в текст Основного Закона следующее: «Новая Конституция должна запретить всякий редакторский произвол (хочу напечатать, хочу нет) и все следственные функции редакции. Гражданин за свои выступления в печати, по радио или перед аудиторией несет ответственность только перед конституционным судом» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 324).

Таким образом, возник парадокс в политическом сознании советских граждан: авторы писем принимали существование идеологического контроля, но выступали за свободу слова и свободу печати. Представляется, что понимание этих свобод в общественном сознании не было достигнуто. Авторы, признавая сосуществование диктата КПСС и свободы слова, были уверены, что общество поддерживает коммунистические устои государства и критиковать будет только отдельные недостатки советского строя. Так, инженер Маракулин, рассуждая о свободе слова, делал вывод: «В печати существует цензура, а авторитет руководящей власти как бы заранее считается непогрешимым» (ГАРФ. Ф. Р-7523 Оп. 131. Д. 340. Л. 37).

Однако механизм функционирования советской власти в 1960-е гг., судя по письмам, нуждался в улучшении. К этому времени произошло сращивание партийного и советского аппаратов, а демократия, свободные выборы, отчетность и сменяемость депутатов фигурировали больше на бумаге. Анализ писем показывает, что граждане задумывались о совершенствовании процесса формирования советского государственного аппарата, с тем чтобы народовластие было реальным. Многие сопоставляли реальность с ленинскими идеями об организации советской власти. Некоторые отмечали, что фактически народовластия не существует. Так, Ю. Первенцев был прямолинеен: «Фактически выборы депутатов во все советы производятся не избирателями, а назначаются городскими и областными парторганами по номенклатурным спискам из устанавливаемого расчета: 55% коммунистов, 45% беспартийных карьеристов-подхалимов. Это приводит к рабскому повиновению и бросанию в урны готовых бюллетеней. Несогласных затыкают ярлыками “враг народа” и “контра”» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 328. Л. 129).

В письмах неоднократно встречаются предложения повысить авторитет Советов или сделать выборы более демократическими. В частности, одним из наиболее простых предложений было ввести нормы, повышающие ответственность депутатов. Житель Свердловской области Лобачев считал нужным включить в Конституцию статью, согласно которой депутат не может отказать в приеме гражданину, где бы тот ни находился – в тюрьме или в психобольнице. Кро-

ме того, депутат не имеет права оставить без ответа ни одно письмо гражданина (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 324 об.). Выступая за расширение полномочий депутатов, А.М. Баталин предложил создать новый орган – особые присутствия Советов депутатов. Он должен состоять из народных депутатов и заниматься в первую очередь проверкой жалоб граждан на действия исполнительно-распорядительных органов и рассмотрением протестов органов прокуратуры (ГАРФ. Ф. Р-7523 Оп. 131 Д. 324. Л. 145). Некоторые граждане требовали сделать выборы настоящими. Граждане Лаптев и Акакий Менабде предлагали закрепить норму, по которой в каждом бюллетене должно быть не менее двух кандидатов, а время пребывания депутата на своем посту должно быть ограничено двумя сроками (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 248; Д. 340. Л. 52). А неизвестный автор настаивал на том, чтобы кандидатов в бюллетене должно быть не менее трех, и на ограничении сроков пребывания в должности. Ленинградец Пугачев указывал на необходимость устройства в помещении для голосования специальных кабинок. Граждане Писарев и Катериночкина считали, что депутатов должны избирать рабочие коллективы на фабриках и заводах, именно это является ленинским принципом формирования советов, а голосование одиночек – это буржуазное голосование. При этом так должны формироваться только местные советы, а высшие органы власти должны избираться съездами советов, как это было предусмотрено Конституцией 1918 г.

Однако предложения по изменению системы выборов не предполагали изменение политической системы государства. Демократизация выборов предполагала выдвижение на государственные посты достойных людей. Недостатки социалистического строя в общественном сознании связывались с деятелями, которые отошли от ленинских принципов.

Более мозаичными были высказывания относительно экономического строя. В монографии И.Н. Стрекалова подчеркивается, что взгляды граждан на экономические вопросы были разнообразными. Однако им не выделено формирование еще одной важной ментальной установки: не просто гордость за отказ от частной собственности на средства производства, а страх перед использованием наемного труда частными лицами, который ассоциировался с эксплуатацией. Как подчеркивает Д.В. Маслов, именно эта ментальная установка тормозила развитие рыночной экономики в 1990-е гг. [Маслов, 2018, с. 230].

Анализ писем 1960-х гг. показывает, как происходил процесс вырастания из указанной ментальной установки важного элемента общественного сознания: отрицательного отношения к индивидуальному труду. Отрицательное отношение к наемному труду, признание в качестве приоритетного только организованного труда, то есть на государственном предприятии или в колхозе, постепенно разрушало представление о допустимости работы «на себя». Девятая статья Конституции 1936 г. еще допускала существование мелких частных хозяйств: «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда» (Конституция..., 1947, ст. 9). Индивидуальный труд допускался в сфере услуг, то есть можно было на дому шить одежду, частным образом чинить сапоги или часы. Данная деятельность облагалась налогом и была регулировалась рядом правил. Существование индивидуального труда было вынужденной мерой: государство не могло наладить работу сферы быта должным образом.

В письмах относительно новой Конституции граждане выступают не просто за сохранение мелкого индивидуального труда, но за создание для него более благоприятных условий. Например, в проекте Основного Закона, разработанном Лаптевым, есть статья следующего содержания: «Учитывая, что в СССР гарантированы законом и свобода личности, и выбор рода занятий, а также принимая во внимание жертвы, понесенные всеми слоями общества в Великой Отечественной войне, государство не намерено вести какое-либо прямое или косвенное притеснение некооперативным слоям населения» (ГАРФ Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323. Л. 14). Во втором проекте он еще больше внимания уделил крестьянину-единоличнику, предложив статью, которая обеспечивает ему статус равноправного участника экономических отношений: «Единоличные крестьянские хозяйства основаны на единоличном труде с применением тягла, инвентаря и других машин облегчающих труд на семейно-трудовом объединении и не допускающих наем и эксплуатацию чужого труда» (Г РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 11). Согласно проекту каждому крестьянскому двору единоличника или кустаря гарантируется право на жи-

лой дом, надворные постройки, продуктивный скот, приусадебный участок земли – для крестьянина 0,5 га, для кустаря 0,25 га. Кроме того, они имеют право на рабочий скот, им выделяется полевая земля не менее чем гектар на человека. Интересна реакция власти на эти предложения. На документе есть пометка, сделанная карандашом: «Трогательная забота о крестьянине единоличнике!».

Гражданин Козлов тоже прислал свой проект Конституции, где несколько расширил формулировку статьи 9: «Наряду с социалистической системой хозяйства временно допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде, исключающее эксплуатацию чужого труда, использование наемных работников и личную наживу» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323. Л. 63).

Вместе с тем встречаются предложения ограничить или запретить индивидуальный труд, пресекать попытки использовать свой личный огород для обогащения. Некоторым авторам владельцы шести соток, которые продавали свой урожай на рынке, виделись стяжателями и дельцами: «Многие владельцы участков развели плантации клубники, с помидорами и фруктовыми садами, спекулируя на ранних урожаях с этих участков. Стыдно смотреть на этих стяжателей...» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 74). Более того, граждане предлагали ограничить объем личного имущества, запретить иметь в личной собственности дачи, машины.

В предложениях граждан, которые касались собственности, проявилась и традиция коллективизма, характерная для российской общины. Как отмечает Е.И. Сильнова, в российском самосознании важное место занимает мифологема равенства, ранее ориентированная на крестьянскую общину, а позже, в советскую эпоху, на трудовой коллектив [Сильнова., 2010, с. 63].

Ментальные установки советских граждан проявились и в восприятии труда: многие авторы писем рассматривали труд не как право, а как обязанность. Представление о том, что труд – это обязанность граждан СССР, было закреплено в Конституции 1936 г. и, как свидетельствует анализ писем, прочно вошло в сознание россиян.

В начале 1960-х гг. некоторые авторы предлагали свои новые трактовки указанного положения в новой Конституции. Например, житель г. Касимова Рязанской области А.А. Тарасов считал обязанностью каждого жителя страны не только труд, но и участие в общественной работе (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 145). А инженер Кулаков из Новосибирска предлагал вменить в обязанность граждан передавать полученные им в процессе учебы и работы знания и опыт другим гражданам СССР, молодому поколению: «Иметь учеников, постоянно умножать их число – почетная обязанность каждого гражданина СССР» (ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 339 Л. 100–101). При этом многие граждане считали трудом только работу на производстве. Таким образом, к этому времени советская пропаганда сумела создать новый «образ врага» советского строя – тунеядца и расхитителя социалистической собственности.

Большой критике подвергались неработающие трудоспособные граждане. В частности, гражданка Р.И. Сидорова с неудовольствием говорила о женщинах-домохозяйках, которые, не имея детей, не работали на производстве: «Вполне молодые, здоровые женщины, которые даже не обременены маленькими детьми, живут всю жизнь за счет какого либо кормильца, иные за счет своей изворотливости, спекуляции». Она предлагала принять закон о всеобщей трудовой повинности всех женщин, вплоть до судимости той, которая будет уваливать от труда на благо своего народа и государства (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 91 об).

Авторам писем не давали покоя и «молодые» пенсионеры, вышедшие на пенсию по военной выслуге, или просто активные пенсионеры, сохранившие жизненную энергию. В частности, упоминаемый пенсионер из Одессы П.Н. Секретарев предлагал ввести право на получение пенсии всем мужчинам с одного возраста – 60 лет. Рабочий из Луганска Скиярченко считал необходимым ввести медицинскую комиссию для всех мужчин, достигших 60-летнего возраста, «ибо есть такие пенсионеры, как говорил тов. Хрущев, что споймав бы быка за хвост и шкуру с быка содрал бы». Особенное неудовольствие у этого автора вызывали те пенсионеры, которые ушли на пенсию досрочно и «занимаются спекуляцией, работают частным образом, ставят верхи на домах, строят дома... в то время как он мог бы работать на производстве до 70 лет» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 100).

П.А. Рев из Киевской области полагал, что Конституция должна гарантировать гражданам работу по полученной специальности. Однако это право должно реализовываться на осно-

ве жесткого планирования. По его мнению, государству следует планировать подготовку молодежи таким образом, чтобы не допускать перепроизводства на одном участке и недостачи на другом. При этом он предлагал организовать учет не только всех работающих, но и тех, кто без работы, отдельно учитывать имеющих высшее и среднее специальное образование. Лишь в исключительных случаях, по состоянию здоровья, нужно разрешать трудящимся по их желанию не работать по специальности (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 2). То есть, по его мнению, труд – это не столько реализация творческого начала, сколько необходимость, где о получении какого-либо морального удовлетворения от работы говорить не приходится.

Представление о том, что честный труд возможен только на производстве, поддерживалось в общественном сознании нарастающими негативными тенденциями в обществе, в частности, расширением в конце 1950-х – начале 1960-х гг. сфер неформальной экономики. Особенно хорошо были видны народу коррупционные схемы в сфере обслуживания и торговли. Эта система ломала жизненные принципы многих людей, превращая их в крупных дельцов. Примером может служить судьба Г. Ю. Певзнера, который до 1941 г. занимал ответственные партийные должности, был начальником политического управления одной из армий. Однако, будучи директором объединения Ленмясрыбторг, в начале 1960-х гг. возглавил хорошо организованную преступную группу, имевшую «крышу» в органах милиции, административном и торгово-финансовом отделах парторганов [Подольский, Волошинова, 2019, с. 704]. Эти же авторы приводят и такие данные о работе продовольственных магазинов города Ленинграда: «Проверка райпищеторга Московского района, проведенная в начале 1960-х гг., вскрыла факты обмана, обсчета, обвеса во всех без исключения магазинах торга. В Калининском районе – в 80 % магазинов. Подобное положение, отмечалось в справке, подготовленной для Обкома КПСС, характеризовало и другие торги» [Подольский, Волошинова, 2019, с. 704]. Поэтому в общественном сознании человек, занятый в торговле, воспринимался различно: и как «нужный человек», и как «оборотистый делец», но не как честный труженик.

В то же время в письмах начала 1960-х гг. обнаруживается поиск системы ценностей на фоне пересечения ментальности двух эпох: сталинского тоталитаризма и периода «оттепели», стремление к свободе и справедливости пересекалось с традиционным недопониманием идей законности. Ряд авторов предлагали ввести демократические нормы, что позволило бы преодолеть нормы сталинской эпохи. Массовые репрессии фактически существенно ограничили право граждан на свободу и неприкосновенность личности, право на справедливое правосудие: часть населения была привязана к месту своего проживания из-за отсутствия паспортов, незаконные депортации лишили многих родины, увольнение с работы также было ограничено законом, а поездка за рубеж была недоступна.

В письме инженера Маракулина содержалось предложение ввести статью, которая гарантировала бы защиту от незаконных репрессий, и исключить из обихода слова «враг народа»: «"Врагов народа" у нас в стране нет и быть не может, поэтому такое определение должно быть исключено из Конституции» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324. Л. 32–32об.). Многие граждане предлагали на уровне конституции гарантировать справедливое демократическое правосудие. В частности, И.М. Абрамович полагал важным четко прописать в документе независимость прокуратуры и суда (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324. Л. 7 об.), П.П. Лаптиева считал необходимым рассматривать уголовные и гражданские дела при участии не менее пяти заседателей, И.В. Бестужев предлагал отнести к компетенции товарищеских судов мелкие уголовные и административные дела, расширить гласность судопроизводства. Как он считал, эта мера будет иметь большой воспитательный эффект: «Хулигана, мошенника ждала бы весьма действенная для него кара – гневное осуждение товарищей по работе или соседей по дому» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324. Л. 186).

Говорящим являлось стремление некоторых авторов закрепить в конституционном праве – право граждан на увольнение в двух недельный срок, а специалистов – через месяц (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 38).

Некоторые авторы выступали за введение норм, которые в современной Конституции зафиксированы в статье 27 и гарантируют свободу передвижения и свободный выезд в другие страны. П.И. Лаптиева считал необходимым на уровне Конституции зафиксировать право всех граждан на внутренний паспорт, а для желающих «провести отпуск за границей, а также со-

вершить заграничную экскурсионную поездку» – заграничный паспорт (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327. Л. 38). Таким образом, он рассматривал выезд за рубеж в аспекте туризма.

М.А. Савин из Москвы понимал свободу передвижения как право на эмиграцию из страны: «Любой человек, которому не повезло на родине, совершенно свободно эмигрирует куда глаза глядят и там зачастую находит свою долю. Почему у нас это рассматривается как смертный грех?» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 57). При этом воспринимал свободу передвижения не как демократическую свободу, а как механизм удалить из общества тех, кто не вписался в нормы социалистического быта: «Вместо тюрем и концлагерей для бандитов – будет свободный выезд из пределов СССР, т.е. эти люди не желающие трудиться честно – не доводя дело до преступления разбегутся кто куда за пределы СССР. Разве это плохо?» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329. Л. 57). Фрагменты писем, приведенные И. Стрекаловым, показывают, что некоторые граждане выступали за право предоставить несогласным с советским строем покинуть СССР, однако без права возвращения в страну [Стрекалов, 2018, с. 378]. Таким образом, в советской ментальности сочетались представления о свободе передвижения с четким представлением о двухполярности мира.

Вместе с тем наследие сталинской эпохи полностью не исчезло из общественного сознания. Разрешение ряда проблем в обществе виделось через систему жестких мер, что соответствовало еще одной традиции отечественного общественного сознания: недооценке роли права как регулятора общественных отношений. По мнению анонимного автора, «в СССР не должно быть тюрем и концентрационных лагерей». За мелкие преступления и мелкие кражи он предлагал установить несение наказания, определенного товарищеским судом по месту работы. В то же время считалось возможным введение смертной казни: «Убийцы, тяжкие увечья, крупные кражи и повторные кражи независимо от их размера караются смертной казнью». Для политических заключенных предусматривалась жизнь в специальных поселениях за счет собственного труда (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 331. Л. 17).

Многих авторов отличает нетерпимость к противоположному мнению, а насилие видится как наиболее универсальный способ искоренения всех недостатков. Особую нетерпимость некоторые граждане проявляли в религиозных вопросах. Советская власть, провозгласив свободу совести в стране, фактически проводила нетерпимую политику по отношению к верующим. Борьба с «церковным дурманом» укоренилась в сознании граждан. «Практика показывает, что существующие религиозные учреждения на территории СССР извращают молодежь, ведут агитацию против науки, иногда и советской власти, проводят политику, идущую в разрез законодательству нашего государства, имеют связи за границей» – утверждал гражданин Агапов, а Пойченко призывал объявить верующих государственными преступниками (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324. Л. 60). Мусин предложил лишать родителей родительских прав за приобщение детей к религии (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 328. Л. 48).

Таким образом, анализ писем и обращений граждан конца 1950-х – начала 1960-х гг. позволяет выявить весьма мозаичную картину, понимание которой полезно в контексте стремлений сформировать гражданское общество в нашей стране. Этот анализ, в частности, дает возможность говорить о своеобразном понимании в советском обществе одного из важнейших признаков гражданского общества – демократии и народовластия. Граждане воспринимали народовластие как основной принцип организации политической системы страны и поэтому активно критиковали сложившийся в тот момент механизм формирования представительных органов власти, который уже был далек от настоящих выборов. В письмах содержится довольно много предложений по их демократизации (введение альтернативных выборов, установление кабинок для голосования, переход к выборам на предприятиях и др.). Граждане ратовали за расширение права на свободу слова и свободу передвижения, некоторые – о предоставлении прав на выезд за границу. Однако восприятие советскими гражданами демократии сочеталось с сохранением норм тоталитарного государства. В системе ценностей советского общества существовало выделение двух миров – капитализма и социализма. Последний ассоциировался со справедливостью, равенством и народовластием. Образ социализма был неразрывно связан с деятельностью Коммунистической партии и ее идеологией. Поэтому авторы писем в большинстве своем не только не предлагали ввести многопартийность, но и высказывались за закрепле-

ние в Основном законе руководящего статуса КПСС и расширение полномочий партийных органов в управлении страной.

Необходимо выделить и особое отношение советских граждан к принципам экономического строя. Если традиционно считалось, что рыночная экономика является основой гражданского общества, то в картине мира советских граждан ее отсутствие гарантировало равенство и справедливость. Отсутствие частной собственности на средства производства и наемного труда у частного предпринимателя было предметом гордости советских граждан. Что касается отношения к частному труду, то одни граждане выступали за расширение формальной возможности вести индивидуальную трудовую деятельность, получать доходы с собственного участка земли, другие же оценивали их как нетрудовые доходы, требовали ликвидировать все возможности получать средства к существованию иначе, чем на государственном предприятии или в колхозе.

Симбиоз демократических и тоталитарных традиций прослеживался и в понимании еще одной важной составляющей гражданского общества – защиты прав и свобод граждан. Однако трактовка прав и свобод тоже отличалась от западной. В частности, труд воспринимался не только как право, но и как обязанность, за уклонение от которой надо не просто подвергать моральному осуждению, но и вводить юридическую ответственность. Характерным для массового сознания было оценивать насилие или принуждение как наиболее универсальный способ управления и решения социальных проблем. В письмах использовались резкие высказывания в адрес оппонентов, требовать радикальных мер к тем, кто, по мнению авторов, не соответствовал моральному облику строителя коммунизма. Активно использовались термины «заставить», «принудить», предлагались репрессивные меры, например, лишать родительских прав верующих, ввести смертную казнь за все тяжкие преступления, даже за кражу в крупном размере.

К 1960-м гг. сформировался менталитет советского общества под влиянием демократических и антидемократических принципов. Сочетание возникших представлений во многом влияет на сознание современных россиян, сказываясь на процессе формирования гражданского общества в стране.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания», грант № 18-09-00130\18.

Список источников

Конституция (Основной закон) Союза советских социалистических республик. Кострома: Б. и., 1947. 48 с.

Конституция РФ: Принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. М.: Б. и., 1997. 48 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Совет Министров СССР. Оп. 97. Д. 1196; Ф. А 664. Коллекция писем Б.Н. Ельцину. Оп. 1. Д. 170; Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР. Оп. 131. Д. 323, 324, 327, 328, 329, 331, 340.

Библиографический список

Байбаков С.А. О теоретических и идеологических основах проекта Конституции СССР 1963–1964 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2005. № 5. С. 3–23.

Байбаков С.А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.): по новым архивным материалам // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 5. С. 128–149.

Данилов А.А., Пыжиков А.В. Неизвестный конституционный проект (О разработке Основного Закона страны в 1962–1964 гг.) // Государство и право. 2002. № 1. С. 84–89;

Игнатенко Т.И. Менталитет как форма социокультурной преемственности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 71–74.

Капустина З.Я. Менталитет как объект рефлексии культуры в процессе становления и развития гражданственности // Вопросы культурологии. 2007. № 8. С. 13–16.

Лившин А.Я. Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3. С. 13–35.

- Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М.: Б. и., 2010.
- Маслов Д.В.* Экономические реформы в современной российской истории как трансформация стереотипов поведения индивида // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2018. № 5. С. 221–241.
- Медушевский А.Н.* Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партии? // Общественные науки и современность. 2014. № 3. С. 84–97.
- Осмачкин А.В.* Значение письменных обращений советского населения к власти в 1945–1961 гг // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15. С. 94–98.
- Подольский С.И., Волошинова И.В.* «Для пользы города я готов поклониться хоть черту»: глава Ленсовета Н.И. Смирнов в период оттепели (1954–1962 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 697–711. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.310> УДК 94 (47).084.9 (дата обращения: 25.05.2020).
- Попова О.Д.* «Многopартийность должна быть социалистической...»: обращения граждан к власти как источник о политическом сознании россиян в 1989 году // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 1028–1041. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.412> (дата обращения: 25.05.2020).
- Сильнова Е.И.* Образ Советской России: человек и общество в контексте национальной ментальности // Вопросы культурологии. 2010. № 5. С. 61–65.
- Стрекалов И.Н.* Последняя Конституция Советского Союза: к вопросу о создании. М.: Б. и., 2018. 429 с.
- Тимофеев Д.В.* «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 1 (216), вып. 43. С. 23–32.
- Туман-Никифорова И.О.* Русский традиционный менталитет и экономическое предпринимательство // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 12. С. 163–169.
- Южалина Н.С.* Менталитет как социокультурный феномен // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2005. № 2. С. 107–119.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.04.2020

SOVIET CITIZENS' IDEAS ABOUT THE CONSTITUTION IN THE 1960S AS A REFLECTION OF THE CORE SOVIET VALUES

O. D. Popova, A. D. Popova

Ryazan State University, Svobody st., 46, 390000, Ryazan, Russia
od-popova@mail.ru
a.d.popova@mail.ru

The article analyzes letters addressed to the Supreme Council of the Soviet Union. In their letters written in the 1960s, Soviet citizens shared their ideas about the new edition of the Constitution. The authors of the article analyze Soviet citizens' core values and their ideas about the political regime, civil rights and civil liberties. This analysis is essential for the assessment of the role of civil values (such as democracy, guarantees of civil rights and civil liberties) in the Soviet public mind. The article maintains that Soviet citizens of the said period shared a set of mental attitudes to civil and economic issues. The authors conclude that these mental attitudes reflected people's ideas about democracy and freedoms and were based on a combination of both democratic and totalitarian principles. Soviet citizens actively supported democracy as a key element of civil society and promoted an improvement in the electoral system. However, they were against a multi-party system, they maintained that party organs should be endowed with greater authorities, and the Constitution should grant power to the Communist party. Soviet people highly valued civil liberties and civil rights. However, they believed that it was natural to oppress those who committed crimes or those who didn't share the generally accepted ideals. The authors conclude that Soviet mental attitudes were only partially based on civil values, which naturally tells on the process of civil society formation in the modern world.

Key words: Constitution, system of values, mentality, civil consciousness, civil society.

References

- Baybakov, S.A. (2005), “On the theoretical and ideological foundations of the draft Constitution of the USSR 1963–1964”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, № 5, pp. 3–23.
- Baybakov, S.A. (2012), “Modern ideas about the development of the draft of the third Constitution of the USSR (1977): based on new archival materials”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, № 5, pp. 128–149.
- Danilov, A.A. & A.V. Pyzhikov (2002), “Unknown constitutional draft (on the development of the Basic Law of the country in 1962–1964)”, *Gosudarstvo i pravo*, № 1, pp. 84–89.
- Livshin, A.Ya. (2010), *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii 1917–1932 gg.* [Moods and political emotions in Soviet Russia in 1917–1932], ROSSPEN, Moscow, Russia, 341 p.
- Livshin, A.Ya. (2018), “The Communist party in the system of power in the USSR”, *Kontury global'nyh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, Vol. 11, № 3, pp. 13–35.
- Medushevskiy, A.N. (2014), “The Constitution of “developed socialism”: where did the principle of the leading role of the party come from?”, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, № 3, pp. 84–97.
- Podol'skiy, S.I. & I.V. Voloshinova (2019), “«For the good of the city, I’m ready to bow to the devil»: the head of the Leningrad City Council N. I. Smirnov during the Thaw (1954–1962)”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, Vol. 9, № 3, pp. 697–711.
- Popova, O.D. (2019), “«The multi-party system should be socialist...»: Letters of Russian citizens to the government as historical landmarks about the political consciousness of Russians in 1989”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, Vol. 9, №4, pp. 1028–1041.
- Shmid, U. (2009), “The Constitution as a device (rhetorical and genre features of the main laws of the USSR and Russia)”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 6 (100), available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/konstitucziya-kak-priem.html> (accessed 3.04.2020).
- Sil'nova, E.I. (2010), “Image of Soviet Russia: man and society in the context of national mentality”, *Voprosy kul'turologii*, № 5, pp. 61–65.
- Timofeev, D.V. (2011), “«Constitution» in Russia of the first quarter of the 19th century: search for landmarks of political development”, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, Vol. 43, № 1 (216), pp. 23–32.